

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с.

*Андрей Корбут**

В словосочетании «теория практик» все слова знакомы, но их соседство вызывает неожиданное удивление. Термины, которые более привычно видеть соединенными союзом (например, «теория из практики» или «теория для практики»), совмещаются в одной фразе, и к тому же «практика» употребляется во множественном числе. Но именно эти два аспекта — во-первых, единство и борьба теории и практик, и во-вторых, единство теории и множественность практик — образуют оси координатной сети, в которой размещаются элементы теоретической грамматики практик, составляющие содержание великолепной книги Вадима Волкова и Олега Хархордина «Теория практик».

Эту книгу давно пора было издать. Ее определенно не хватало. Не потому, что без нее студентам было сложно сдавать экзамены (хотя теперь им определенно будет полегче), а потому, что без нее трудно вести социологический разговор о практиках. Волков и Хархордин сказали свое слово. Теперь есть кому (в смысле — на что) отвечать. Я предложу свою реплику, которая, впрочем, будет больше репликой «влезшего в разговор», чем «собеседника». Но уже есть, по крайней мере, куда влезать.

Книга составлена на основе материалов курса лекций, много лет читающегося авторами в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Это не могло не сказаться на (и сказать о) способе организации и содержании работы, однако книга выходит далеко за рамки учебного текста. По сути, мы имеем дело с первой русскоязычной попыткой осмысления той тенденции в социальных науках, которая получила название «практического», или «прагматического» поворота (хотя книга и выпущена второй в замечательной серии «Прагматический поворот»). Но, что еще важнее, в основе этой попытки лежит не только тщательное и критическое чтение работ ведущих теоретиков практик, но и постоянное соотнесение этих работ с реальным опытом, с жизненными наблюдениями и с результатами собственных исследований. В итоге книга становится чем-то большим, нежели энциклопедией теоретических подходов (что, я уверен, не помешает преподавателям включать ее в список обязательной литературы по курсам вроде «Современная западная социология», и она действительно может сыграть эту роль лучше многих, если не всех, социологических работ последних лет). Но тем больше оказываются и ожидания от нее, и тем серьезнее может и должна быть ее критика. Далее я буду читать эту книгу именно как первую реплику в дискуссии о практиках, оставляя все ее несомненные академические достоинства для другой рецензии.

На мой взгляд, одним из бесспорных достижений книги является постановка вопроса о теории практик как той области, которая не только вводит в социологию новый предмет исследования — практики, — требующий новых теорий, новых методов, новых способов описания, но и ведет к радикальному выявлению и переопределению роли теоретизирования в социологии (и, возможно, в социальных науках в целом). В этом смысле книга фиксирует не просто одну из тенденций, а круг взаимосвязанных проблем и формулировок, которые могут служить основанием для постановки под вопрос сложившейся грамматики теоретизирования. Но ставить вопрос о теоретизировании теоретически — значит аннулировать его. Для меня этот вопрос носит сугубо практический характер, поскольку связан с обнаружением способа чтения книги «Теория практик». Теория практик как способ чтения книги Волкова и Хархордина является тем практическим основанием, в рамках которого я буду нащупывать пути формулирования вопроса о теоретизировании практик. Это не значит, что я буду вычленять теорию практик, содержащуюся в их книге. Скорее, я буду обнаруживать их способ теоретизирования практик как феномен чтения.

Авторы определенно не ставят перед собой столь масштабных задач, ограничиваясь обзором ряда исследований, которые можно условно объединить под рубрикой «теория практик». Условность такого объединения прекрасно осознается самими Волковым и Хархординым, которые, вместо того чтобы искать нечто общее во всех анализируемых ими подходах, пытаются действовать по-витгенштейновски и разбирать случай за случаем, выявляя их семейные сходства (поэтому упреки в

* **Корбут Андрей Михайлович** — руководитель Центра развития образования Белорусского государственного университета, korbut@bsu.by

Текст рецензии впервые опубликован в электронном журнале «Социальные практики». Т. 1, №2.

http://charko.narod.ru/tekst/soc_prakt/ar.htm

© Корбут А., 2009.

неполноте представления теоретиков практик не принимаются). Свое намерение они формулируют следующим образом: «...просто показать, как практикуют саму теорию практик» (с. 33). «Простота» такого показывания иллюзорна, поскольку оно кажется простым, лишь если сравнивать его с вроде бы более сложными процессами генерализации и концептуализации, однако, на мой взгляд, эта простота сумела обмануть авторов (которые пытаются обмануть ею читателей): они не выполняют свое обещание и не показывают, как практикуется теория практик. Из прекрасных описаний различных исследовательских решений проблемы теоретизирования практик мы узнаем о том, какими понятиями пользовались те или иные авторы, какие практики они делали предметом своего внимания, какие методы изучения они выбирали, какие критические аргументы против общепринятых представлений они выдвигали (и что это за звери такие: «общепринятые представления»), но сама работа теоретизирования не попадает в поле внимания. На мой взгляд, это говорит не столько о неудаче книги, сколько о необходимости иначе прочесть ее замысел. Я имею в виду следующее.

Волков и Хархордин, говоря о «теории» в единственном числе и при этом отказываясь такую «теорию» строить в качестве последовательной, иерархически упорядоченной, обобщенной системы понятий, все же не просто рассматривают «случай за случаем», а привязывают каждый случай к описанию практик как обыденных, повседневных способов организации деятельности. Это не значит, что они ограничивают свое внимание лишь «бытовым поведением». В книге они легко переходят от обсуждения таблички, прибитой на столбе, к обсуждению демократии, свободы и справедливости. Следовательно, «практика» для них носит особый характер, который они фиксируют в своем изложении «метода» и «задачи» как самой книги, так и вообще теории практик — отстранения привычного (с. 44). Практика настолько въелась в кожу, настолько застит глаза, настолько связывает руки, что для ее анализа не подходят традиционные способы концептуализации, которые как раз построены на превращении привычного в объективное. Авторы пытаются избежать объективации, не закрыв при этом возможность описания. Но их описание практик во многом строится по старой схеме: практика рассматривается как источник осмысленности, как то, что придает значение самим по себе бессмысленным вещам вроде таблички, умывальника, коврика с сидящей на нем кошкой или слов «гражданское общество» («Фоновые практики — условие знания о предмете» [с. 44]). Именно поэтому они усматривают разницу «между укладкой кирпичей и архитектурой» (с. 99). С их точки зрения, есть техническая самоотдача, и есть самоотдача экзистенциальная, причем именно в отношении второй можно говорить о «практическом чувстве». Вера ученого-физика в реальность элементарных частиц носит практический характер не потому, что она воплощается в манипуляциях с оборудованием и написании научных статей, а потому, что «она заключается в преданности определенному образу действия, работы, цельному образу жизни и мысли» (с. 101). Практика для авторов — это «образ жизни», то есть стиль деятельности, понятый как предмет принятия, опривычивания и проблематизации. Это этнографическая единица, которая достаточно размыта, чтобы не показывать деталей, и достаточно знакома, чтобы ее можно было идентифицировать с рутинной, на фоне которой проявляются различного рода «поступки» и «события», как на фоне бесконечной череды вечеринок «проступает» дружба или любовь (с. 274). Тезис Людвига Витгенштейна о соотношении языковых игр с формами жизни («...говорить на языке — компонент деятельности или форма жизни») подменяется тезисом о разнообразии форм жизни. Если Витгенштейн призывал видеть любую языковую игру как элемент определенной формы жизни и прояснять их связь (она не очевидна, хотя находится на виду), то Волков и Хархордин считают эту связь само собой разумеющейся, непроблематичной, вместо этого акцентируя внимание на множественности и фоновом характере форм жизни, из которых «выводятся» языковые игры и которые придают смысл «говорению на языке». Иными словами, они отождествляют языковые игры с формами жизни, тем самым открывая для себя возможность рассматривать первые в качестве наглядных проявлений последних. На место пары «языковая игра — форма жизни» они ставят пару «одна форма жизни — другая форма жизни», снимая вопрос о том, что делают люди, когда употребляют язык. «Наблюдаемость» языковых игр рассматривается в качестве производной от той или иной практики, а не производимого феномена данной практики.

Это позволяет совмещать в чисто «стилистическом» (с. 31) единстве теории практик концептуально несовместимые подходы, что лишь подтверждает: их единство обнаруживается в принципиальном теоретическом решении, которое приписывается (или, говоря словами Волкова и Хархордина, «вчитывается») всем рассматриваемым в книге авторам и которое заключается в подходе к самому теоретизированию. Авторы не столько описывают практику теоретизирования практик, сколько практикуют теоретизирование теоретизирования практик, осуществляя это теоретизирование так же, как и анализируемые ими ученые: в отношении производства практиками (в том числе — практиками теоретизирования) осмысленного мира, а не в отношении производства

осмысленности практик в мире. Авторы не переопределяют отношения между теориями и практиками, что мешает им увидеть теоретизирование как практику, поскольку практика является для них объяснительным механизмом, а не предметом изучения. Практика не осмысливается ими как феномен действия. Она рассматривается в качестве феномена культуры, или знания, или жизни, или традиции, или мышления, и тем самым упускается. Упущение в данном случае носит не эпистемологический, а методологический характер, то есть предусматривается самими методами исследования практик. Они не упускают практику «как она есть». Они упускают ее «как они ее не описывают».

На мой взгляд, специфическая «неописуемость» практик заключается для Волкова и Хархордина в разделении деталей практики и ее смысла. Если «общий механизм научения состоит в том, что овладение каким-либо навыком или инструментом означает его перемещение на периферию сознания или переключение внимания с частей или мелочей, из которых состоит деятельность, на целое — ее цель и смысл» (с. 77), то опривычивание действия выявляет смысловое строение социального мира, в котором внимание к мелочам буквально останавливает практическое действие. Смысл же не вытекает из мелочей, а «втекает» в них. Овладеть практикой — значит овладеть смыслом, не задумываясь о реализуемом в последовательности действий, в качестве фона сознательной жизни. Этот фон носит принципиально множественный характер, позволяющий говорить о «практиках» как целостностях. По ходу книги авторы неоднократно проводят границы между такого рода целостностями, например, между русской и французской культурами, но все эти границы несут на себе печать родового проклятия любой теории практик: различия неосознаваемой, непроблематичной, заведенной деятельности и рефлексивных, проблематизируемых, становящихся предметом внимания обстоятельств ее осуществления. Практика в результате становится не ситуационным порядком действия, а внеситуационным контекстом деятельности. Теория практик приближается к социологии культуры. Или, лучше так: «Теория практик» Волкова и Хархордина приближается к «Социологии культуры» Ионина.

Итак, Волков и Хархордн делают теорию (подчеркиваю: не строят теорию, а именно делают ее, осуществляют теоретизирование; я говорю об их читаемых мной действиях, а не о том, что эти действия значат). То, как они делают ее, обеспечивает любого компетентного читателя набором понятий, теоретических высказываний и методов теоретизирования, не генерирующих определенное описание реальных практик, а придающих любому описанию реальных практик эмпирический социологический характер и выдвигающих требование такого придания в качестве специфически социологического требования. Как именно они делают теорию? Например, так: «Книга *«Надзирать и наказывать»*, описавшая логику дисциплинарной власти с помощью генеалогии ее рождения, прямо указывала, что она анализирует практики: недаром в названии ее стоят два глагола» (с. 183), то есть читая отдельные книги и отдельных авторов в качестве формулирующих определенное решение, которое можно описать так, чтобы не описывать детали их описаний: книга *«Надзирать и наказывать»* — это книга «про» практики, которая анализирует генеалогию дисциплинарной власти так, что ее анализ реализуется в конкретных феноменах описания Фуко и описываемых Фуко феноменах. Или так: «Отличие этой концепции фона от обычной концепции фоновых практик заключается в активном конструировании фона руками ученых» (с. 261), то есть сравнивая различные «концепции» (в том числе — с «распространенными точками зрения»), как если бы они говорили об одном, но предлагали разные решения, и как если бы их можно было сравнивать в том отношении, в каком этому «одному» можно придавать терминологический характер. Или так: «Иными словами, прагматический поворот волнует не противопоставление публичного и приватного, а промежуточные режимы координации в спектре между этими двумя категориями» (с. 239), то есть вводя понятия (нередко — дихотомическими парами), которые читаются как понятия потому, что с ними обращаются как с предметом теоретического высказывания, заключающегося, например, в описании специфики прагматического поворота путем указания на отказ от противопоставления приватного и публичного в пользу промежуточных режимов координации и тем самым размещения этого поворота в пространстве и времени «подходов» и их смены. Или так: «Когда вы сидите дома, вы находитесь в режиме близости» (с. 238), то есть обеспечивая понятность той или иной практики через описание ее как теоретического случая (одного из), предполагающего недостаточность обыденного описания (вполне достаточного, чтобы представить себе невозможный случай: «Что делаешь?» — «Сижу дома». — «А чем занимаешься?» — «Нахожусь в режиме близости»), и потому сохраняющего социологическое различие между теоретизациями и реальными действиями.

Последняя цитата подсказывает, каким образом можно читать работу теоретизирования, вычитывая в ней нечто иное, нежели схему понимания или легитимации. Социологическая теория (и теория практик — не исключение), не заключающаяся в описании практик, тем не менее не может не

учитывать эмпирический характер социологического исследования и требует процедурного наличия и демонстрации этого характера, хотя бы для того, чтобы, как завещал Макс Вебер, «в каждом отдельном случае установить, насколько действительность близка такому мысленному образу или далека от него», но при этом не выдать свои идеальные построения за действительность.

«Действительность», о которой здесь идет речь, — специфически социологическая действительность, наступающая вас, например, «когда вы сидите дома». Кто «вы», «когда» именно, как «сидите», в какой части «дома» и пр. — все это вещи, которые уже являются социологически осмысленными в качестве описания практики и потому подходящими, чтобы служить формулировкой «режима близости». Это не значит, что так сформулированная действительность теоретически нагружена, т.е. является продолжением и воплощением теории. Речь идет о том, что теория практик не может обойтись без формулирования этих практик как реальных действий в реальном мире, но само требование их формулирования наделяет реальные детали практики свойствами специфически бессмысленного и неупорядоченного набора действий. «Сидеть дома» — значит уже сидеть в режиме близости, потому что это дом, и дом ваш, а раз ваш, то вам все в нем знакомо и близко. В чем эта знакомость состоит — этот вопрос в принципе не может возникнуть, потому что сцена уже знакома так, как она знакома теоретику практики, скажем, Тевено или Болтански. Практика не отвергается в пользу теории. Практика параллельна теории. Процедурно прочитанная теория практик самим фактом своего существования не имеет дела с практиками, хотя постоянно говорит о практиках и претендует на придание осмысленности их описаниям. Осуществляющаяся практика недоступна ей, потому что осуществимость практики объявляется нуждающейся в объяснении путем описания ее условий, не заключающихся в действиях осуществления. В этом смысле теория практик имеет последствия для описания практик, но в этом же смысле теоретик практик не описывает практики (хотя он не описывает их не так, как он их не описывает, по его собственному мнению).

Следовательно, теория практик не столько далека от теории, сколько не имеет отношения к практикам. Не является ли в таком случае выражение «теория практик» внутренне противоречивым? Нет, если мы рассматриваем теорию практик как академическое движение, объединяющее различные подходы, но не представляющее единую концептуальную платформу. Да, если мы хотим узнать с помощью теории практик что-то о практиках, как на то претендуют авторы. Эффект отстранения, дистанцирования от практики, который, по их замыслу, должен позволить взглянуть на эту практику с неожиданной стороны, оказывается доступен лишь тем, кто делает шаг теоретизирования (а этот шаг делает любой социолог, не только социолог-теоретик). Чтобы таким образом смотреть на практики, нам недостаточно знать сами эти практики, нам надо знать, что о них говорят Хайдеггер, Витгенштейн, Райл, Полани, Мосс, Элиас, Бурдьё, Фуко, Де Серто, Скотт, Макинтайр, Болтански, Тевено, Латур и Делез, а также как следует их читать и как о них следует писать. Книга «Теория практик» — это прекрасное пособие по теоретизированию, настраивающее глаза и уши читателя так, чтобы он мог видеть и слышать теорию практик как практику. Я сужу об этом по тому, что при чтении книги у меня часто возникал вопрос: где говорят авторы, а где — те, о ком они говорят? Как мне цитировать тот или иной фрагмент: как реконструированную позицию, скажем, Латура или как утверждение одного из авторов? Или это реконструированная позиция, с которой согласен реконструирующий? Но все эти вопросы снимаются, как только я понимаю: авторский голос здесь, как и в любом руководстве, уместен лишь в качестве демонстрирующего определенные способы обращения с предметом руководства, в данном случае — с понятиями и способами теоретизирования. «Одалживая» и «примеряя на себя» тот или иной концептуальный аппарат, Волков и Хархордин говорят им, пускают его в оборот, но на холостом ходу, в целях экспозиции. Именно поэтому в их книге нет теории как стройной системы понятий, но есть теория как предмет демонстрации. Теория в единственном числе, поскольку различия и сходства между читаемыми ими авторами не имеют значения, если необходимо показать практику теоретизирования. Но, как я говорил в начале, это не означает, что данный текст — лишь плоть от плоти образования. Он выходит далеко за рамки простых образовательных потребностей, и именно поэтому он позволяет переформулировать проблему соотношения теории и практики в социологии следующим образом: единственным решением, которое может претендовать на статус теоретического при описании реальных, живых практик, является отказ от теоретизирования. Это не значит, что любая практика больше ее теоретизаций. Это не значит, что практика способна опровергнуть теорию. Это значит, что увидеть, услышать и почувствовать практику как видимую, слышимую и чувствуемую упорядоченность действий, можно лишь игнорируя методы и процедуры социологической теории. Теория практики и практики — принципиально асимметричны. Отказ от теории не требуется самой практикой, но требуется для доступа к практике. И эта ситуация несправима. Нельзя построить бо-

лее адекватную теорию практик, даже если написать книжку под названием «Практика практик». Поэтому всякому, кто хочет изучать практики, я рекомендую теоретическое самоубийство. Теория практик — это, по словам Майкла Линча, входной билет, который должен быть порван сразу после попадания в зал. Книгу Волкова и Хархордина нужно обязательно прочитать, а закончив — отправиться исследовать то, чего в ней нет и быть не может (не потому, что она «теоретическая», а потому, что она «социологическая»): сами практики.